

ПАВЛЕ РАК

Н
О
Ф
А
И
К
С
С
У
Р

ПРИБЛИЖЕНИЯ К АФОНУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Выпуск 5

Русский Афон

Павле Рак

Приближения к Афону

«Индрик»

2010

Рак П.

Приближения к Афону / П. Рак — «Индрик», 2010 — (Русский Афон)

Павле Рак, сербско-словенский писатель, в 1976 году был вынужден покинуть Югославию как участник антититовского студенческого движения. В том же году он впервые попал на Афон будучи практически неверующим человеком. Афон изменил, поразил его, направил его жизнь в новое русло. С тех пор по несколько раз в год Павле посещает Святую Гору. Он проживал там и весьма продолжительное время, был послушником в монастыре. Афон невозможно постичь, узнать, работая над историческими документами или совершая короткие паломнические поездки. Попасть на него не значит посетить определенную географическую точку с такими-то координатами. Чтобы постичь его духовное богатство, надо войти в его жизнь, вращаться в нем всей душой. Поэтому книга называется «Приближения к Афону» и содержит не только описания конкретных событий, бывших с автором на Святой Горе, но в большей степени историю приближения человека к Афону, историю постижения его.

УДК 94 (4)

© Рак П., 2010

© Индрик, 2010

Содержание

Предисловие	6
Вертоград Пресвятой Богородицы	8
Пролог: топография	8
Тишина восьмого дня	10
Обожженные кости	12
Земная и небесная кухня	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павле Рак

Приближения к Афону

© П. Рак, текст, 2010

© Л. Братуш, фото, 2010

© Издательство «Индрик», 2010

Издатели благодарят компанию ESPRO за помощь в издании книги

Предисловие

Перед вами второе, немного дополненное издание этой небольшой книги впечатлений от путешествия по Афону. Второе издание всегда означает, что книга «живет». Автору приятно видеть, что его труд не был напрасным, что и после стольких лет еще вызывает интерес. Однако не это важно, а именно то, какое место занимает эта книга сегодня, чем это повторное ее появление оправдывает себя.

«...Несколько групп рабочих расширяют дорогу и укрепляют обочины... Мне жаль, что и здесь совершается „модернизация“. Может быть, она распространится на что-то еще? (Позже, я нашел достаточно признаков того, что боязнь моя, во всяком случае, преждевременна.)»

Эти слова были написаны четверть века назад, в начале восьмидесятых. И вот, я оказался неправ, отвергая свою боязнь. Наш мир стремительно меняется, и эти перемены затронули и священный Афон. Не только главная дорога от Дафни в Карею уже давно покрыта бетоном, а сквозь все афонские леса бульдозерами прорыто на десятки километров то лесных дорог, обслуживающих лесоповалы, то просто дорог к монастырям. Электричества с материка еще нет, но у каждого монастыря есть своя собственная станция. У большинства есть и центральное отопление, душ, в начале они были лишь для гостей, а потом и для монахов. Говорят, что появился и первый лифт. С увеличивающимся количеством паломников «цивилизация» находит свой путь в монашеское государство. Микроавтобусы, мобильные телефоны... Конечно, жаль. Старое уходит. Однако кое-что и остается. Монашество не сказало своего последнего слова. Да и вообще: если мир меняется, как остаться в быту, придерживаясь исключительно внешнего уклада средневековья?

Итак, о чем «Приближения к Афону» говорят сейчас? Я не стал книгу подстраивать под современность. Добавления и по стилю, и по содержанию вписываются в первую рукопись. То есть, книга отражает тогдашнее состояние Святой Горы. Она является своего рода документом, как и книга Бориса Зайцева, написанная без малого сто лет назад, как и многие другие книги об Афоне. Но надо не забывать: такие книги являются документом, отражающим точку зрения автора. Афон сегодня уже не такой, но и тогда не был только таким. Если «цивилизация» принесла кое-что нам с вами непонравившееся, т. е. если в этом узнаем «отклонения» и «упадок», я сразу должен сказать, что таких «отклонений» и «упадков» бывало много и в предыдущих эпохах. Вспомним лишь конец девятнадцатого и начало двадцатого века, когда произошло внедрение на Афон новой технологии строительства с казенными железобетонными корпусами, которые и сейчас искажают некоторые пейзажи. И злоупотребления «сборов пожертвований», против которых должен был выступить даже Синод Русской Церкви. В этой книге о таких вещах речь не идет. Я считаю, что для Афона такие явления несущественны. И не собираюсь их описывать. Хочу, чтобы «Приближения к Афону» были свидетельством того, что на Афоне самое главное.

Сегодня, как и четверть века тому назад, самое главное на Афоне остается прежним. Это совсем не его старина, и не его красоты, даже не его святыни, а то, к чему и красоты и святыни должны нас привести: к пониманию того, что мы удалились от той первоизданной красоты облика и подобию, по которым мы сотворены. И что мы должны постараться возобновить Божию икону в нас. А зная, что красота Божия есть не что иное, как любовь, мы должны терпеливо, иногда мучительно, возвращать в себе эту любовь.

Вот что и до сих пор остается главным «деланием» афонцев. И к чему нас вдохновляют афонские встречи, афонские красоты, афонские святыни. Все это на Афоне есть и было, и об этом, в меру моих слабых сил, написано в настоящей книге.

Наконец, но не в последнюю очередь, хочется поблагодарить всех тех людей, без которых не было бы этой книги: первых переводчиков ее (Татьяну Горичеву, Елену Шварц), друзей,

которые ее возлюбили и которые сейчас постарались ее переиздать, и всех тех, кто примером своей высокой духовной жизни и любви вдохновляли меня ее написать.

Можно много говорить об Афоне, но не раскроется глубина его сердца. Ни книга, ни даже целая библиотека не сумеют поведать о нем, и мы не сможем исчерпать до конца Святую Гору, даже если будем возвращаться туда снова и снова.

Первое впечатление, обычно, – всего лишь неопределенное воодушевление от светлой красоты: неба, скал и моря, церквей, ризниц, ясных монашеских лиц. Лишь с каждым новым посещением Святой Горы постепенно открывается, что мы доселе толком ничего не знали о ней, что большинство ее сокровищ оставались спрятанными от нас. И не просто потому, что узнать Афон можно, только пройдя десятки километров по его разнообразным тропинкам, не потому, что многие его ризницы с берегущими их иноками разбросаны посреди глухих лесов, и даже не потому, что многие монахи нарочно скрываются и избегают встреч, – все дело в том, что в логику и смысл святогорской красоты можно врать лишь постепенно, приближаться к Афону можно лишь по мере возвращения в себе той любви, которая и является целью подвига насельников Святой Горы.

Вертоград Пресвятой Богородицы

Пролог: топография

Те, кто видел нашу землю духовными очами, рассказывают, что ее связывают с небом лишь несколько одиноких световых столпов. Среди мест, над которыми поднимается этот свет, постоянно поминают рассказчики и Святую Гору Афонскую.

Еще афонские монахи говорят о муке жить на свете без святости. В этом мире, во времена тусклые, сияют одни лишь редкие не оставленные Богом места, святыни, забытые людьми, животворные источники, которым единственное что остается – это хранить тайну возможного спасения.

Да и сама Гора Афонская, добавляют монахи, – место многих и тяжелых искушений. Не обманывай себя, даже и здесь течет не только чистая вода благодати. Но здесь – монастыри и мощи святых! Смотри и запоминай все, что здесь увидишь, но надейся только на любовь Христову.

И вижу:

Прозрачные, почти невесомые строения, освещенные первым утренним солнцем; башни, наперегонки с кипарисами тянущиеся к небу; веселые купола и крыши; подернутые дымкой, вырастающие из моря горы; лестницы и длинные переходы, в их лабиринтах исчезают еле слышные шаги; свет, мерцающий в сгущенном воздухе; синеватый ладан и трепет свеч, иконы и хоругви в торжественных процессиях: пурпур и золото, разлившиеся по полям; удлиненные черные фигуры – глаза опущены – поднимающиеся по косогору; плаха и разбросанные по мостовой камилавки; башни и монахи в вихре пламени, каменные ступени в лунном свете; выбеленные временем кости, собранные в общей гробнице; белоснежные простыни, бьющиеся на ветру; овальные подносы, перегруженные лакомствами, возвращаемые почти нетронутыми; кисловатый запах старого кирпича; волны пения и шепот молитв, шум крыльев, журчание вина; покосившиеся кельи и их жители, которые, вместе с ветхими стенами и своей полузабытой религией, осыпаются, уходят во тьму средневековья и выплывают из нее, под глухой звон колоколов, среди благоухания мерцающих лампад. Афон не на небе и не на земле – вертоград Пресвятой Богородицы.

Деревянное и железное бюро

Тишина восьмого дня

Высокий резной иконостас в мерцании света и позолоты. Громадное паникадило над головой, темно-медового цвета. Тяжелые эти паникадила с сотнями незажженных свечей рядами теснятся в пространстве храма. Из серебряных и золотых риз выступают лики Христа, Богородицы и святых. Погруженные в полумрак, они придают глубину игре света, который падает на позолоту сквозь приоткрытые двери и далекие окна в куполе церкви. Алтарь таинственно мерцает темно-пурпурными красками. Свет льется одновременно отовсюду и ниоткуда. Теплый вертеп, прибежище, предусмотренное где-то на небесах: укрытое так, чтобы слабые человеческие глаза защитить от невыносимого сияния Сущего Света, Отца и Создателя, – но и на достаточном расстоянии от пронзительного гама земной суеты. Пустого места почти нет, как будто нет вообще никакого «места», словно иконы, подсвечники и паникадила погружены не в пространство, а в тишину, заполнили собой тишину и сами заполнены ею.

Ни одного лишнего звука, движения, блеска. Полная, вневременная тишина. Цвет ее – медовый. Тих и спокоен собор Иверского монастыря, ибо здесь не исходный пункт, откуда начинаются путешествия, даже если это путешествия по Святой Горе, здесь место, куда сходятся все пути этого мира.

* * *

Весь день нас качало на небольшом суденышке в беспокойном море под ярким солнцем. А сейчас, когда мы движемся из Иверского монастыря в сторону Карей, по дороге, едва ли заслуживающей этого названия, в полуразвалившемся автобусе, таком дряхлом, что задняя дверь его закрывается на веревочку, один конец которой привязан морским узлом к железному болту, – сейчас минуты пребывания в потаенном мире храма остаются блаженным и уже недосяжимым мгновением. В ритме ухабов подкидывает в автобусе человек двадцать пассажиров, большей частью – в черных поношенных и выцветших рясах.

Старый автобус, у которого время от времени меняют только мотор и шины, так же, как и сероватый цвет монашеских одежд, выявляют настоящую меру этого света, показывают, как мало, в сущности, требуется человеку, насколько мы ежедневно преувеличиваем свои нужды.

Светские путешественники так сильно отличаются от кротких и смиренных старцев, что в этом автобусе они мне кажутся чем-то глубоко неприличным. Хорошо, что мы все хотя бы молчим.

Молчание – ключ к святогорской жизни. Великая тайна. Исихазм (молчальничество) – это и правило, одно из самых общепризнанных, поздневизантийского монашества, и путь духовной жизни.

Вот келья¹ где молчал и постился святой Савва² Келья без единого окна, стены совершенно голые, из неотесанного грубого камня. Помещение настолько узкое, что раскинутыми в стороны руками можно дотянуться одновременно до противоположных стен. Сегодня здесь только две иконы, больше ничего. Но сколько молчания святого, сколько безмолвия его последователей и учеников вобрал в себя этот камень...

¹ Келья (келия) – так на Афоне называют небольшую обитель, расположенную на земле какого-нибудь большого монастыря.

² Св. Савва Сербский (Неманич, 1169–1237 гг.) – младший сын сербского правителя Стефана, брат Стефана Первovenчанного сербского, в возрасте 17 лет удалился на Афон и, вопреки воле отца, принял там монашество. Возобновил пришедший в разорение Хиландарский монастырь и ввел в нем строгое общежитие. Впоследствии первый архиепископ Сербии, независимый от Константинополя. (Здесь к далее подстрочные примечания переводчика)

Недалеко, всего лишь в двух шагах от этой кельи – церквушка. Ослепительная красота старинного иконостаса и фресок. Молодые лики святых, выстроившихся рядами, строго смотрят со стен. Здесь по правилу святого Саввы ежедневно читается вся Псалтирь. Отворивший нам худощавый старец говорит, что для его возраста это тяжело, что он не может один со всем справиться. Угостив нас, как и положено по многовековой традиции, он неожиданно вздрагивает, как будто что-то вспомнив, и говорит: «Теперь идите. Здесь много не разговаривают».

Благотворное правило! Сколько же часов, дней и ночей провел я в бесконечных разговорах, когда все уже сказано, когда все мы уставали, не замечая, что повторяемся и блуждаем, тратя время, которое не остановилось, а, наоборот, мчится к утреннему похмелью. Сколько истинных слов, нужных и драгоценных, смог бы я услышать, если бы умел помолчать. Если бы я, как этот строгий монах, смог бы стать повзыскательнее и к себе, и к другим.

Обожженные кости

Утро. Из афонской столицы Кареи дорога к монастырю св. Пантелеймона ведет сквозь невысокий лесок, достаточно тенистый. Еще свежо. Несколько групп рабочих расширяют дорогу и укрепляют обочины. Может быть, скоро уже придет конец этой мучительной тряске в автобусе. А сейчас я иду пешком, и мне жаль, что и здесь совершается «модернизация». Может быть, она распространится и на что-то еще? (Позже я нашел достаточно признаков того, что боязнь моя, во всяком случае, преждевременна.) Выхожу на крутой склон, обращенный к южному афонскому берегу, отсюда виден монастырь Ксиропотам. Налево пристань Дафни. Направо лес, через который надо пройти, чтобы добраться до св. Пантелеймона. Судя по карте, монастырь не может быть далеко. Поэтому я сворачиваю на поперечную дорогу, которая ведет в нужном направлении. Через несколько минут ходьбы становится ясно, что это всего лишь лесная дорога, которая забирает все больше в гору и поворачивает назад к Карее. Мне почему-то нейдет, и чуть дальше я сворачиваю на другую тропинку, к морю. Метров через сто она исчезает в колючих зарослях на вершине холма, вознесшегося над берегом. Утреннее спокойное море. Все, что мне удалось – это увидеть зеленые купола монастыря, к которому я стремился. Пришлось смириться и вернуться на ту дорогу, которая, как мне кажется, слишком круто огибает левый склон.

Колокольня монастыря св. Пантелеймона

Она настолько уходит влево, что я оказываюсь чуть ли не под стенами монастыря Ксиропотам. Внутри крепости, почти без всяких украшений, голый каменный двор. Вокруг ни души. Долгая утренняя служба закончена, и братия, наверно, отдыхает. Даже если кто-то и видит меня, то не желает нарушать привычного распорядка ради любопытствующего туриста.

Монастырский храм, конечно, тоже закрыт. Но богато расписанный притвор – достаточная награда, искупающая все тяготы этого утра. Фрески в византийском стиле написаны, скорее всего, во времена не столь уж давние, но сохраняют дух средневековой живописи. Последовательный ряд изображений живописует борьбу, которую ангелы ведут с бесами за человеческие души. На переднем плане – лестница, по ней поднимаются к небу старцы в монашеских рясах. Им мешают бесы, тянут их за края одежд, многих сбрасывают на первых же перекладинах. Несчастные падают прямо в разверстую, дышащую пламенем пасть геенны. А тем, кто преодолевает искушения, Господь наверху протягивает руку избавления. Ангелы радуются о каждой спасенной душе. А вокруг в неоглядных полях серо-стальные воины в коротких панцирях гонят толпы монахов, крестьян с женами и детьми, царскую семью. Хватают их, мучают, жгут, отрубают головы. Выше идет жестокая борьба небесных и адских сил. Черти кладут на весы

каждый, даже самый маленький грех испустивших дух страдальцев. Ангелы-хранители кладут на другую чашу весов всякое доброе дело и свою ангельскую слезу. Души, струдившись, трепещут в ожидании исхода – что перевесит. Жуткие, покрытые шерстью и коростой мучители тянут за собой связанные жертвы, подталкивают их трезубцами и заставляют бежать. Избивают их по дороге дубинами и камнями. Волокут к раскаленному жерлу. А праведники группами устремляются в горние сады.

Утро в Карее

В одном углу монах готовится к исповеди. Два черных чудовища подговаривают его скрыть самые позорные свои грехи. Чуть дальше звери раздирают на части тела грешников. От этого ужасного зрелища можно убежать только на небо – или в храм.

* * *

На дороге под самым монастырем нашлась, наконец, тропинка, отходящая влево. Здесь же указатель: «Святой Русик». Через два глубоких оврага переброшены каменные мостики, дальше надо спускаться к морю: зеленые купола все ближе и ближе. Миновав ухоженную масличную рощу и спустившись еще немного ниже, я оказываюсь среди многоэтажных зданий и церквей, обступивших со всех сторон монастырские стены. В прошлом столетии и в начале нынешнего здесь, видимо, жили сотни, если не тысячи, монахов. (А сейчас их не больше двадцати. Пришла бы сюда половина России, если б можно было.) Постройки заброшены, многие разрушились окончательно. Громадная церковь, каких на Афоне мало, закрыта на висячий замок и кажется покинутой.

Монастырь Св. Пантелеймона

Внутри монастырских стен атмосфера другая, здесь царит порядок. Собор не древний, он украшен барочной росписью и иконами. Огромная трапезная на несколько сот человек тоже расписана в барочном стиле. Расцвет в этом монастыре наступил много позднее, чем в других афонских обителях. Лучшее его время, золотой век, свидетельствует о себе постройками и живописью прошлого столетия. На старых открытках виден целый оживленный городок, у его пристани небольшая флотилия. Золота и позолоты в изобилии. Ныне обветшавший и запустевший, монастырь был когда-то ярким воплощением блеска императорской России. От тех времен ныне осталось лишь печальное воспоминание.

* * *

По-русски плотный, но подвижный молодой монах показывает сокровища монастыря, мощи святых. Самая большая святыня – голова великомученика и целителя Пантелеймона, которой в монастыре оказывают особое почитание. Здесь она находится с XIV в., с тех пор, как во время одного из нападений разбойников на Хиландар Русик дал убежище хиландарским инокам и укрыл от врагов сокровищницу монастыря. В знак благодарности сербский правитель Стефан Душан подарил русским главу великомученика Пантелеймона. Монах рассказывает о том, как много произошло здесь исцелений. Одна за другой появляются серебряные и золотые шкатулки разной величины с частицами Честного Креста, мощами апостолов и многих великих святых, мучеников и мучениц. Паломники падают ниц перед частицами костей, перед кистями рук, стопами, целыми руками. Острое и пронзительное ощущение: прикладываясь к руке из далекого седьмого века, под потемневшей кожей рельефно выступают вены (кажется, даже, что вижу их синеву). Говорят, что когда-то верующие, обретя частицу кости святого угодника, делили ее между собою и, наподобие причащения Телом Христовым, глотали хотя бы пылинку святых мощей. Очищенные огнем мученичества и подвижничества, эти животворные кости являют собой «бесценный сосуд, принявший Живого Бога».

Человек не может познать Бога и приблизиться к Нему, как к любому другому, пусть даже самому истинному и высшему существу, но, как говорили св. отцы, он способен лишь очистить себя от всякого греха и злых помыслов, открыть свое сердце так широко, чтобы Бог вселился в него и стал в нем энергией любви. И тогда эта любовь преображает весь состав человеческий, подобно тому, как Сам Иисус был преображен на Фаворе. Тот, кто благодаря неустанному труду и глубокому смирению бывает удостоен соединения с Богом Живым, ощущает необыкновенную теплоту и умиление, которые из сердца распространяются по всему телу. И тогда, свободный от всякого тления, он еще в этой жизни созерцает Жизнь Вечную.

На этих обоженных костях и зиждется Церковь Христова. Они – всегда сущая связь между Небом и землей, мост, по которому молитвы живых доходят до почивших, а молитвы наших умерших – до нас. Прекрасные, почти ежедневные заупокойные службы занимают одно из центральных мест в византийском круге богослужения. Они свидетельствуют о том, что мы можем помочь мертвым своей любовью, и о том, что живые в своих искушениях не предоставлены себе самим. Мир, пребывающий в каком-то самозабвении, держится порой только молитвами мучеников и святых.

В самом конце – ковчежец с большей частью черепа св. мученика Сергия. (Да тот ли это элегантный юноша, что изображен на мозаике салоникиской церкви VI столетия?) На черепе видно углубление от удара острым треугольным предметом, след мученичества. Ужас пронзает меня, когда я целую самое дно этого углубления: какая мысль проникла в мой мозг, пока я прикладывался к мощам? Прикоснулись ли мои губы к месту удара или к месту мученичества, к знаку насилия или к источнику святости?

Благочестивым и богобоязненным движением монах закрывает крышки на ковчежцах разной формы и величины (некоторые из них в форме ладони или стопы) и, целуя, возвращает в их собственный мир.

Земная и небесная кухня

Поскольку я хочу продолжить путешествие, а до обеда еще далеко, меня отводят на кухню, чтобы я не отправился в путь голодным. Огромная, почти пустая кухня в первом этаже монастырского дома. В правом углу два зеленоватых шкафа для посуды. За ними деревянная лестница, ведущая куда-то наверх. У закопченной стены каменный умывальник, похожий, скорее, на просторную купальню. Большая плита разожжена слева, почти посередине комнаты. Монах средних лет, в выцветшей и ветхой рясе, с неловкими, вывернутыми внутрь ногами, усадил меня за стол недалеко от плиты в старинное удобное кресло с высокой спинкой, такое глубокое, что я утонул в нем и почти ничего вокруг не видел. (Как оно только сюда попало?) Петров пост, едят только овощи и макароны. Мой хозяин ставит на стол миску с помидорами, кладет огурец и хлеб. Он кажется одним из тех простых насельников Святой Горы, каких много во всех монастырях, одним из тех, которые служат Богу не столько молитвой, сколько непрерывным тяжким трудом. Монах подбрасывает дрова в плиту, на дальний ее конец, более холодный, поставил большую посудину, чистит, нарезает и бросает туда помидоры. Спрашивает, откуда я, как у нас люди живут, есть ли церкви, ходит ли туда народ, и куда я сегодня собираюсь идти. Обычный святогорский разговор.

Заканчиваю свой обед и только сейчас вижу вблизи его глаза: синие, глубокие, нежные. Замечаю, что уже в третий или в четвертый раз обращается ко мне, называя «отцом». Первое мое впечатление оказалось обманчивым: он не только не принадлежит к безграмотным или полуграмотным Божиим слугам, он иеромонах и когда-то служил в соборе большого города. Заботлив и умен, внимательный собеседник. Говорит обдуманно, спокойно, на любой пример находит и контрпример, желая избежать как пессимизма, так и поверхностного воодушевления.

«Да, – говорит он, – есть и прекрасные, святые люди, и настоящая святость, но есть и шарлатаны, и много таких, что делают себе рекламу, а в глубине у них пустота. В последние времена Бог почти лишил людей своей благодати. Не очень-то они ее и жаждали, слишком это тяжело. А благодать не навязывается насильно. Никогда люди не стремились так к гибели, как сейчас. Гибнут сами и других тянут за собой в помрачение и тьму. Но Бог не скрыл от людей и утешения: великой и благой вести. Возьми Евангелие, отец, и прочти, а здесь, на Святой Горе, помолись, поклонись святыням, и ты вернешься в мир не с пустыми руками. Избегай людей, которые хвалятся своими духовными дарами. Есть между ними, даже и здесь, нетерпеливые хвастуны. А может ли таким быть Божий человек?»

Когда там тебе будет трудно, помолись. Нет лучшего утешения и вернейшей надежды. Смири свои мысли. Что еще, кроме покаяния и смирения, мы, грешные, можем сделать для себя? Кричать? Требовать? Нет в этом мира душевного, отец. Единственный путь – путь смирения, и он не пролегает через желания, какими бы скромными и легко исполнимыми они ни казались. Прости, что столько говорю, отец, ты и сам все это знаешь не хуже меня...»

Я долго беседовал с этим просветленным и немного печальным «батюшкой». Он рассказал мне несколько веселых и грустных историй из своего российского и афонского опыта. Заметно воодушевлялся он, когда говорил о России. Это и понятно – мало сейчас здесь монахов, нет народа, заполняющего весь храм до купола пламенной покаянной молитвой. А русские церкви сейчас полны более чем когда-либо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.